

СЕРГЕЙ

Пожинатель
горя

РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ВЛАДИМИРОВ

Сергей Владимирович Владимиров
Пожинатель горя
Серия «Частный сыщик
Евгений Галкин»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5824106

Пожинатель горя: Центрполиграф; М.; 2013

ISBN 978-5-227-04118-0

Аннотация

Дело о вымогательстве казалось вздором, а обернулось жестокой семейной драмой. Одни утаивали грехи прошлого, порождая новое зло. Другие покрывали метания запутавшихся и озлобленных людей, становясь заложниками чужой похоти, предательства и ненависти. Частному сыщику Евгению Галкину приходится пожинать тучный урожай, выросший на человеческих пороках, чтобы докопаться до отвратительной правды.

Содержание

От автора	4
Первоначальный этап расследования	6
Действо первое	6
Действо второе	20
Действо третье	31
Действо четвертое	57
Действо пятое	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Сергей Владимиров (Белавкин Сергей Владимирович) Пожинатель горя

От автора

Все из нижеизложенного – чистой воды вымысел, любые совпадения – более чем случайны. Убедительная просьба ко всем читателям, узнавшим себя в героях данного произведения, свои негативные эмоции – обиды, раздражение и гнев – оставлять при себе.

Автор

Характеристики героев

Евгений Галкин — дешевая частная ищейка, человек, находящийся в глубокой депрессии и глухой завязке.

Виктор Евгеньевич Ланенский — вздорный денежный мешок, обуреваемый смертельными страстями.

Алевтина Семеновна Друзина — бизнесвумен с переиз-

бытком душевности.

Владимир Михайлович Фирсов — отставной вояка, не желающий мириться с современными реалиями.

Наталья Семеновна Фирсова — его болезненная женоушка, обеспечивающая мужу тотальный контроль.

Владислав Ланенский — глянцевого отпрыск, презирающий всех и вся.

Инга Князева — вовсе не пустоголовая кукольная красотка.

Настя Николина — подросток с отсылками к Набокову.

Константин Ремизов — коммерсант от законности и правопорядка.

Сергей Вершинин — сотрудник, которому не терпится пострелять.

Клоун — без комментариев.

И другие...

Первоначальный этап расследования

Действо первое Галкин клиента обретает и...

Однажды все кончилось или только началось. Любовь к женщинам обернулась физиологией, а против водки воспротивились загаженная печень и забитые сосуды. Я просто созерцал окружающий меня мир и тихо плыл по мутной реке, именуемой временем. Моя лодка не давала течи, горизонт не просматривался, а берега были пустынные.

Один горе-психолог, для которого я как-то разыскивал жену, в очередной раз сбежавшую с заезжим проходимцем, посоветовал придумать себе хобби, встретить единственную, завести ребенка или домашнего питомца. У психолога ничего подобного не было, но тем не менее он продолжал практиковать и разгонять депрессию водкой. Из меня не получилось достойного собутыльника, и мы распрощались.

Я ничего не ждал от наступившей весны. Ее приход ассоциировался у меня не с запотевшими стеклами, хрустальными брызгами капли и веселым щебетом ранних птиц – меня донимали дурные надсаженные вопли мартовских котиков,

устройствающих под окнами свои оргии, серое слякотное месиво под ногами и бурлящие вдоль дорог грязные потоки. Природа еще не примерила свой новый праздничный наряд, ярко-зеленый, пропитанный множеством живительных ароматов, а если вы находились в каменных джунглях, картина представляла вовсе отталкивающая: городская цивилизация бесстыдно обнажалась перед вами, словно развратная уличная девка, забывшая подмыться.

Телефон зазвонил в тот момент, когда я, высунувшись по пояс из распахнутого настежь окна, угрожающим бесполезным потрясанием кулаков пытался разогнать очередную кошачью «стрелку». Приняв героические дугообразные позы, усатые-полосатые никак не могли поделить вонючую территорию под окнами моего офиса и одну-единственную облезлую кошку. Страсти накалялись, грозили обернуться разборкой, которая бы плавно переросла в групповое изнасилование. Я подумывал, чем бы зашвырнуть в орущую свору, но по причине завязки в моем кабинете не осталось ни одной бутылки, как пустой, так и полной. Именно телефонный звонок подсказал мне ответ на занимавший меня вопрос, и я исступленно схватился за сингапурский аппарат, метясь в голову одноглазого вожака. «Наповал, вот только жаль животину», – в последний момент посетила меня милосердная мысль, и я использовал телефон по своему прямому назначению, а именно снял трубку.

Последнего делать не стоило. Следовало тут же дать отбой

или сказать, что ошиблись номером. Мне удавалось определять сущность человека по голосу, и людей с повелительными высокомерными голосами не переносил на дух, тем более не вступал с ними ни в какие деловые отношения.

– Это вы давали объявление в газету?

Вопрос звучит с утвердительной интонацией, как бы обзывая ответить положительно, пусть даже я не имею ни малейшего отношения к тому самому злополучному объявлению.

– Да, я, – ответил я коротко и сухо.

– Евгений Галкин, который называет себя частным детективом?

– Не называет, а таковым является.

– Допустим. Сколько вы стоите?

– Не продаюсь. И не сдаюсь в прокат. Предлагаю услуги, а расценки зависят от сложности работы.

– У вас есть оружие?

– Есть.

– Личный автомобиль?

– Пока не наскреб.

– Почему?

– Не успел угодить вам.

Собеседник задохнулся от ярости. Его тяжелое грохочущее дыхание сотрясло мембрану, прижатую к моему уху.

– Сыщик с гонором! Привычно для Запада. Но на что же вы рассчитываете, живя здесь? Я без проблем найму бо-

лее покладистого человека, который выполнит ровно столько, сколько ему сказано, и не станет задавать лишних вопросов.

– В таком случае вы не по адресу. Больше всего на свете люблю откапывать гадости про своих клиентов.

– Вы хам еще больший, чем мне представляли. Но посоветовали обратиться именно к вам, потому что, как это ни странно, считают толковым частным сыщиком.

– Кто именно?

– Это не важно. Я вас нанимаю. Через час жду в ресторане казино «Счастливый Джокер». Знаете, где это?

– Еще бы. Мое любимое место отдыха.

Кажется, туз взревел от негодования. Какая-то занюханная частная ищейка вздумала над ним издеваться! Но я уже дал отбой. После чего закурил сигарету, откинулся на стуле и предался безрадостным думам под сатанинскую песню котов.

«Если в тебе осталось хоть немного самоуважения и гордости, ты никуда не поедешь, – сказал я сам себе. – А если и отправишься на встречу, то только для того, чтобы плюнуть в сытую и наглую рожу звонившего». (Что рожа сытая и наглая, я не сомневался.) Потом я мимолетным взглядом окинул свой кабинет. Терпимо было все: и доисторический письменный стол, этакая бандура, состоящая из двух тумб и разошедшейся крышки, и два казенных стула, и гигантский сейф, и стены с истертыми панелями, и низкий под-

весной потолок, разбухший и посеревший из-за протекающей крыши. Однако в углу стояла раскладушка, потому что с недавнего времени офис заменял мне жилище. Моя же собственная квартира после одного особо удачного расследования выгорела почти полностью, и, чтобы отремонтировать ее, нужны были определенные средства. На принятие нового решения у меня ушло минут десять и еще одна выкуренная сигарета. Необходимую сумму я мог получить только от состоятельного клиента, будь он трижды дерьмом. Мой недавний собеседник отвечал этим требованиям. Я не гадал, что за работу он мне предложит. Если ему меня рекомендовали, то должны были проинформировать, что на явный криминал я не соглашусь.

Он недаром пожелал встретиться именно в этом месте, с целью показать мне уровень своего благосостояния и мою собственную никчемность. У казино «Счастливый Джокер» в городе достаточно чистая репутация: очень приличное заведение для людей с доходами гораздо выше среднего, никаких блатных с их размалеванными шлюхами, никаких черных, наводнивших городские рынки, одним словом, исключительно положительная публика – крупные коммерсанты, директора процветающих фирм, маскирующиеся под них криминальные авторитеты и законники. Иногда заезжают сюда отдохнуть и посорить трудовыми доходами главы департаментов из городской и областной администраций, а на торжественном открытии казино два года назад присутство-

вал губернатор. Поговаривают, что в тот памятный день он имел право первым крутануть колесо рулетки, и фортуна довольно продолжительное время не отворачивалась от народного избранника. В качестве завершения этой исторической справки следует добавить, что владельцем «Счастливого Джокера» является зять губернатора, фигура на городском небосклоне одиозная, не избежавшая криминального прошлого.

Здание казино, сплошь из стекла и зеркал, оплеталось по фасаду многочисленными неоновыми трубками. С наступлением темноты и настоящей жизни неон воспламенялся, топя округу в магическом буйстве красок. Площадка, отведенная для парковки автомобилей, сейчас была пуста. Я удивился: неужели мой таинственный наниматель пришел сюда пешком или, что невообразимо глупо, приехал на общественном транспорте?

Швейцар не поспешил распахнуть передо мной дверь и раскланяться в пояс. Меня встретил лишь неодобрительный взгляд охранника, двухметрового детинушки, умудрившегося сохранить на лице интеллект. В черном, безукоризненно отутюженном смокинге, он бесшумно прошествовал мне навстречу по мягкой ковровой дорожке. Секьюрити выдавил из себя дежурную улыбку и постарался впрыснуть в самодовольный неприязненный голос хорошо оплачиваемого холуя дозу вежливости:

– Простите, вы куда?

– В ваш ресторан, промочить горло.

– Сожалею, но сейчас у нас обслуживание только постоянных посетителей. Бизнес-ланч. Столики бронируются заранее.

– Меня там ждет человек. Очень важный господин. От моего визита, ни много ни мало, зависит его судьба. – Я прижал кулак к губам, чтобы не прыснуть смехом. Если что-то и развлекало меня, то подобные шавки, мнящие себя в отсутствие хозяев королями.

Охранник не понял юмора. Маска выпускника МГИМО слетела с лица молодого человека, на поверхность выперла истинная натура ископаемого ящера.

– Ты чё, за лоха меня держишь?! В таком-то прикиде... Тут, в натуре, все в смокингах...

– Скажи спасибо, что я не в спецовке. – Я осмотрел свою короткую кожаную куртку, линялые, но фирменные ливайсы и кроссовки, добротные, прочные, хотя и купленные на китайском рынке.

Все закончилось трагифарсом. Не решившись ввязываться в драку в одиночестве, секьюрити по рации вызвал подмогу. Я и глазом не успел моргнуть, как на меня с разных сторон набросились трое. Не били по лицу, не уродовали внутренние органы, мастера самбо, применив захваты, заломы и удушения, головой вперед вышвырнули меня в распахнутую откуда ни возьмись взявшимся швейцаром дверь. Я споткнулся на последней ступеньке и унижительно грохнулся на

асфальт. А когда стал поднимать голову, увидел сначала чьи-то огромные модельные туфли, затем напоминающие два телеграфных столба ноги, пряжку брючного ремня и, наконец, нависающий на нее громадный живот, плотно запакованный в белоснежную сорочку. Одна рука великана лежала на блестящем капоте черного автомобиля, дорогого и престижного, вполне отвечающего звездному статусу владельца, другая, как и надлежит людям данной социальной прослойки, сжимала сотовый телефон, почти невидимый в мощной пядерне. Правда, в пальцах, розовых и пухлых, как сардельки, не чувствовалось должной силы. Этого нельзя было сказать о плечах, покатых, наращенных мясом, скорее плечах тяжелоатлета или борца, нежели жрущего от пуза толстосума.

– А еще говорят – приличное заведение... Макаронники! Устроили потасовку перед входом... Всю клиентуру распугаете, – загудел у меня над головой густой, обволакивающий бас.

– Да ломился, понимаете, Виктор Евгеньевич, – заискивающе пробормотал один из самбистов. – Пьяный или обколотый. Что с таким разговаривать?

– Можно и поаккуратнее. Смотреть противно, – брезгливо отозвался туз. – Меня здесь должен ожидать один человек. Надеюсь, это не он?

Я поднялся на ноги, и оказалось, что едва достаю гиганту до плеча. Чтобы рассмотреть его лицо, пришлось задрать голову. Что сразу бросалось в глаза – это борода, большая,

плотная, жесткая, без единого седого волоска, придающая породистому красивому лицу Виктора Евгеньевича нечто демоническое. Иссиня-черные волосы средней длины были зачесаны назад, а взгляд оказался голубым и не вполне уверенным. Для пущей солидности пузану не мешало бы носить затемненные очки.

– Надеюсь, с вами меня пропустят внутрь? – не без ехидства спросил я.

– Глупейшее совпадение, – неприязненно заметил Виктор Евгеньевич. – Мне это совершенно перестает нравиться. Идемте.

Извинений мне не принесли, но конфликт тем оказался исчерпан. Секьюрити посторонились, а швейцар предусмотрительно распахнул дверь.

– Сегодня же скажу хозяину этого заведения, чтобы уволил к чертовой матери всю охрану, – пробасил себе в бороду мой спутник. – А вам выдам небольшую компенсацию за моральный ущерб. Не берите в голову, что я был так резок по телефону, у меня забот по горло, а тут навалилось еще и это... ради чего вас позвал.

Мы прошли в затемненный уютный зал, где у нанимателя имелся забронированный столик. Не замедлил появиться официант – вышколенный, педерастического вида мальчик в белой рубашке с набриолиненными волосами, услужливо протягивая меню. Одного взгляда мне хватило, чтобы понять, что моей наличности хватит лишь на стакан минераль-

ной воды. Виктор Евгеньевич же собирался сытно пообедать и долго водил толстым пальцем по меню, выбирая блюда.

– А вы почему ничего не заказываете? – безразлично обратился он ко мне. – Совсем не голодны?

Он и виду не подал, что мою трапезу оплатит сам, он откровенно издевался надо мной с тупой ограниченной изощренностью. Я стерпел и это.

– Мне не нравится здешняя кухня, – ответил я. – Жду не дождусь, когда вы дадите задание и я помчусь выполнять его, а уж вы отобедаете в более приятном обществе.

Атмосфера за столом накалилась и вот-вот готова была взорваться. Не сдержавшись, я еще плеснул масла в огонь.

– Вам изменяет жена и за ней необходимо проследить?

Виктор Евгеньевич разинул было рот, однако гневный вопль застрял в его глотке, натолкнувшись на мою новую бесцеремонную фразу.

– Или у вас проблемы с любовницей?

Но взрыва не произошло. Багровое лицо совершенно неожиданно приняло нормальный цвет.

– Я совсем забыл, с кем имею дело, – проговорил туз. – Вы за словом в карман не лезете, в вас есть напор и наглость, и я ценю это. А со своими личными проблемами предпочитаю разбираться сам и не впутывать в них посторонних. История, из-за которой я решил нанять вас, совершенно идиотская, какой-то дурной розыгрыш, и, заподозри я что-то опасное, принял бы надлежащие меры, не обращаясь к вам. Надеюсь,

вы понимаете, мне есть к кому обратиться...

– Разумеется, Виктор Евгеньевич. – Я больше не пытался ерничать и отвечал вполне серьезно.

– История заключается в том, – продолжал он, – что третий день подряд мне названивает какой-то сумасшедший и требует деньги. Десять тысяч долларов.

– За что?

– В том-то и дело, что он этого не говорит. Скажет только при получении данной суммы. Лишь грозитя, что, если я не заплачу, это плохо кончится не столько для меня, сколько для моего бизнеса.

– А какой у вас бизнес?

– Разноплановый. Я соучредитель нескольких акционерных обществ. Основное же занятие... – Виктор Евгеньевич важно залез в портмоне и двумя пальцами протянул мне визитную карточку. Держал он ее так бережно, точно она была сделана из хрусталя.

Из золоченого тиснения мне стало известно, что в клиенты мне набивается генеральный директор торгового дома «Миллениум» Ланенский Виктор Евгеньевич. О самом ТД доводилось слышать любому жителю нашего города, но отовариваться там решались немногие. Основная масса, наплевав на престиж и буржуйскую рекламу, предпочитала носиться за покупками по всему городу и толкаться на вещевых рынках, считая себя недостаточно обеспеченными или вовсе малоимущими.

– Мое мнение – послать этого шутника по известному русскому адресу, – сказал я, оторвавшись от рассматривания визитки.

– Так-то оно так, – неохотно согласился Ланенский. Ему очень не нравилось, когда кто-то в его присутствии высказывал свои идеи, причем не лишённые здравого смысла. – Но я не из тех, кто привык прощать подобные выходки. Я желаю, чтобы вы нашли этого мерзавца. Он заслуживает примерно-го наказания.

– Будете загонять иголки под ногти или придумаете что-то более оригинальное?

Ланенский, свыкшийся с моими манерами, пропустил эту колкость мимо ушей.

– Кроме того, – добавил он, – анонимщик звонил мне только на работу (телефон имеется в любом деловом справочнике) с автоматов, поэтому номер определить я не смог. Однако сегодня утром он сказал, что предоставляет мне последний шанс, и назначил встречу, на которую я должен приехать один и привезти деньги. Вы отправитесь вместо меня и, разумеется, без денег. Ваша задача – доставить мне шантажиста.

– Где и когда назначена встреча?

Виктор Евгеньевич назвал место и время. Район был мне знаком прежде всего по криминальным сводкам, а время, если вспомнить достопочтенного сэра Артура Конан Дойла, именно то, в которое «силы зла властвуют безраздельно».

Как в страшной сказке – полночь.

Я принял информацию к размышлению, но не спешил уходить, воззрившись на Ланенского. Тот, почуяв запах принесенных официантом блюд, начал выражать недовольство:

– Чего еще?

Я отвечал не моргнув глазом:

– Прежде чем браться за такие сомнительные дела, я предпочитаю получать задаток.

– Сколько? – Генеральный директор уже вгрызся сильными белыми зубами в телячью отбивную.

Сумма его ничуть не удивила. Бесспорно, этот человек жил в другой системе материальных ценностей. Да и нравственных тоже.

– Чего так много? – все же спросил он для проформы.

– До свидания.

– Пойдите. – С ленивой небрежностью он швырнул на стол несколько мятых купюр.

Я старательно собрал их, разгладил и убрал в карман.

– Договор составим на салфетке или проедем ко мне в офис? – спросил я.

Ланенский барски отмахнулся.

– Обойдемся без бухгалтерии. Ведь у вас хватит ума не сбежать с этими деньгами.

– Приятного аппетита, – пожелал я и направился к выходу из зала. И все же остановился на пороге, обернулся, спросил: – Ответьте честно, Виктор Евгеньевич, у вас много врагов?

Хозяин утер белоснежной салфеткой розовые лоснящиеся губы.

– Они не успевают у меня появляться.

Во что я нисколько не поверил.

Действие второе

Галкин Лолиту встречает и...

Время, оставшееся до встречи, тянется медленно и нудно. Лучи весеннего солнца, ярко-желтые, теплые, буравят мутное, в грязных подтеках стекло, солнечные зайчики путаются в паутине под потолком, я жмурюсь на них, но мне невесело. Эта погода для других людей, увлеченных, беспечных, влюбленных. Я ощущаю прилив энергии и работу мозга, когда небо наконец сереет, хмурится, подкрадывается вечер, затем наступает ночь и безобразные завалы рыхлого снега на обочинах дорог становятся совершенно черными. Пора заниматься делом, пора жить.

Я смазал и зарядил пистолет, сунул его в наплечную кобуру и вышел из офиса. Частник поначалу отказывался везти меня по адресу, который я назвал. Район пользовался дурной славой, но тяга к деньгам, которые я пихнул ему за эту увеселительную поездку, оказалась сильнее, и вскоре мы уже мчались по затихающему ночному шоссе.

– Прибыли, – сказал он часом позже.

Высаживает меня, тут же разворачивается и уезжает. Я остаюсь на обочине совершенно один, вижу покореженную автобусную остановку и направляюсь к ней. Присесть тут некуда, местные вандалы разломали деревянную скамью, ради забавы перебили все стекла, блестящее крошево хрустит

под ногами. Я всматриваюсь в темноту. За дорогой начинаются заваленные снегом и мусором овраги, регулярно по весне со дна извлекаются разложившиеся трупы, в основном проституток и одноразовых бойцов, однажды возомнивших себя хозяевами жизни. Бомжи заселяют полуразрушенные, полусожженные бараки за моей спиной, они предпочитают сдыхать там, забросанные картонными коробками и истлевшим тряпьем. Когда-то здесь пытались построить новый район, нагнали техники, вырыли котлованы, вбили сваи, но на этом стройка завершилась: у города кончились деньги.

Неторопливо бегут минуты, уже за полночь, но ничего не происходит. Разумеется, это был всего лишь розыгрыш, злая шутка кого-то из недоброжелателей моего клиента.

Такого оборота я никак не ожидал. Услышав посторонний шум, неуверенные крадущиеся шажки, обернулся. Девочка-подросток, одетая не по сезону в короткий светлый пуховичок, выглядывала из-за дерева, наблюдая за мной. Я не стал проявлять своего интереса к ней сразу, но в том, что ее появление здесь не случайно, не сомневался. Чтобы собраться с мыслями, закурил. И почувствовал ее приближение.

– Извините, – дрогнул ее детский голос. – Не угостите сигареткой?

Теперь я поднял на нее взгляд, будто только что заметил. Волнистые, густые, но плохо промытые и расчесанные волосы обрамляли хорошенькое и такое напуганное лицо. А

встретившись со мной взглядом, девочка задрожала и начала пятиться.

– В чем дело? – спросил я.

– Ни в чем... Просто... просто я заблудилась... – Она уже развернулась, готовясь побежать.

Я преградил ей путь к отступлению.

– Ага, вон за тем деревом. Может, расскажешь, кого ждала здесь все это время?

– А вам-то какое... – слабо воспротивилась девочка, сама испугавшись своей резкости.

– Никакого. Только час для свиданий слишком поздний, да и место неподходящее. Прирежут ненароком. А теперь серьезно – что случилось?

– Ничего. – Она нервно дернула головой, и из глаз внезапно брызнули слезы. – Не знаю. Я уже ничего не знаю. Вы все это время находились в темноте, я вас не могла рассмотреть и решила, что вы – это тот человек. Но это оказался не он. Спасибо, я пойду...

– Куда? – с напором проговорил я. – Для начала успокойся и расскажи, в чем проблема. Я уверен, что ничего неразрешимого в мире не существует, – прибавил, слегка покривив душой.

Она попросила у меня сигарету, неумело прикурила и затянулась. Такие волосы могут быть лишь у русалок, подумал я, и именно такими Набоков представлял своих нимфеток. Однако подобные пространные мысли недолго преследовали

меня, и я заявил категорично:

– Рассказывай!

Девочка-подросток перепугалась не на шутку. Стрельнула панически расширившимися глазками по сторонам, однако никто не спешил ей на помощь.

– Кто тебя послал сюда? Зачем? – спросил я.

Ответить она не успела.

До моего слуха донесся странный глухой звук, похожий на топот, но с явно обозначенным ритмическим рисунком. Он разрастался, становясь все отчетливей, наконец послышались высокие звенящие нотки и хриплый испитой голос, слезно повествующий о трагической судьбе бесспорно благородного урки и коварных происках поганых ментов. Машина двигалась не включая фар, блатная музыка рвалась из салона, наполняя спящую округу болтанием, пиликаньем и завыванием кабацкого оркестра. Я взял девчонку за руку и потянул ее за собой, поглубже в темень. Очень скоро она сообразила, что мое общество, по крайней мере, безопасней, чем общество этих ночных гуляк, сделала следом за мной пару шагов и... Сноп яркого света выхватил из темноты наши фигуры, застывшие в напряженных позах напротив разбитой остановки, автомобиль остановился, мягко приоткрылась задняя дверца. «Бежать, еще успеем!» – это здоровое решение было принято мною тут же, однако маленькая незнакомка впала в ступор.

– Не отдавайте меня им, – только и прошептала она.

Сколько их было в салоне, я не видел, во всяком случае, вылезать все они не торопились, лишь один выставил на обочину длинную ногу в модном ботинке.

– Эй ты, валенок, не впрягайся в телку, отстегни нам ее на ночь, – произнес обладатель фирменной обуви.

Лолита в ужасе вцепилась мне в запястье. Слишком много испытаний навалилось на нее за эту ночь.

– Отпусти, – скрипнул зубами я. – Ты мне мешаешь. Никому я тебя не отдам.

Всегда начинаешь чувствовать себя героем, когда рядом находится кто-то слабее и беззащитнее тебя. В два прыжка я преодолел расстояние до машины (иномарка, не новая), на бегу ударил ногой в приоткрытую дверь (салон огласился воплем боли), обежал машину сзади, рванул другую дверцу, которая, к счастью, оказалась незаперта. Второй браток не ожидал такой прыти, разинул было рот, но я уже ткнул его стволом пистолета в зубы. Не рассчитал силы толчка, что-то хрустнуло, сломалось... На переднем сиденье находился только водитель, и тоже не крутой, обкурившийся двадцатилетний подонок, один из многих.

– В натуре, ошиблись, – пробормотал он, впрочем, без паники. Видимо, находился под таким кайфом, что ни вид оружия в моей руке, ни стоны слегка покалеченных дружков не произвели на него должного впечатления. – Кореш, которому ты ногу дверью прищемил, с зоны сегодня откинулся, вот решили отметить, шлюх подцепить, а те точно попрытались,

суки. Ну и тебя с этой малолеткой приметили, откуда ж знали, что ты не лох какой-нибудь?!

У покоренной остановки, трясясь от страха, меня дождалась русоволосая Лолита. Возникло желание застрелить парня или просто изуродовать, но я благоразумно не поддаюсь всплеску эмоций.

– Слушай меня внимательно, козел, – отчетливо произнес я. – Ты, видимо, не понял, на кого нарвался. И оплошность эта будет тебе дорого стоить. Надеюсь, ты понимаешь, что я тебя еще найду. А пока дави на газ и мотай отсюда собирать бабки. Счетчик включен.

Чего-чего, а блефовать я умел. И водитель поверил. Да и другие тоже. Во всяком случае, поговорить по понятиям желания не изъявили. Машина развернулась и умчалась без музыки. Я вернулся к нимфетке.

– Это... они, – пробормотала она, стуча зубами, с полутвердительной интонацией.

– Кто?

– Те люди, которые хотят убить моего брата. Коля отказался идти с ними на дело и сбежал. И мы стали скрываться здесь, неподалеку. Нам нужны были деньги, чтобы уехать куда-нибудь из этого города. И тогда он позвонил этому человеку, за которого я вас приняла, и потребовал денег.

Девчонка осеклась, поняв, что проболталась. Но чувство признательности к неизвестному спасителю оказалось сильнее. Или ей просто некому было довериться.

– За что твой брат требовал деньги? – спросил я.

– Он знал о чем-то очень-очень важном. Но о чем, он мне не говорил. Попросил лишь встретить этого человека и привести его к нему.

– Почему же не пошел на встречу сам?

– Коля боялся, что тот человек придет с крышей или с милицией.

– А тебя, получается, подставил...

Лолита заплакала беззвучно, вытирая детской ладошкой слезы с пухленьких персиковых щек.

– Пойдем, – решительно произнес я.

– Куда? – вздрогнула она.

– Туда, где прячется твой брат. Я вытащил из неприятностей тебя, попытаюсь вытащить и его. Ты мне веришь?

В ответ она лишь кивнула, но весь ее потерянный вид говорил: «А что мне остается делать?»

Мы шли в полном молчании. Я был уверен только в одном: парни в иномарке были «залетными», подельники Лолитино брата наверняка люди серьезные. Какое же дело задумали они, если за информацию о нем Ланенский должен был вывалить телефонному шантажисту, тому самому предприимчивому, изворотливому и трусливому Коле, десять тонн зелеными? По дороге мы познакомились. Девочку-подростка звали Настей.

В темноте зловеще проступили черные безобразные строения – разрушенные бараки и выселенные частные домики.

Оконные проемы взирали на нас пустыми провалами мертвых глазниц. Оттуда тянуло дряхлостью, смрадом выгребной ямы и гарью. Настя достала крохотный фонарик, направила его на одно из убогих строений, и красная точка забегала по стене, черкнула по хищным зазубринам побитых стекол, проникла внутрь, устроив неистовую огненную пляску под потолком. «Условный сигнал», – догадался я. Вскоре из глубины барака послышался настороженный сиплый голос:

– Ты?

– Я, Коль, я.

– Ланенский принес капусту?

– Понимаешь, тут...

– В чем дело?! – визгливо выкрикнул брат. – Кого ты привела с собой?!

– Я все объясню, – затараторила сестра. – Этот человек... он поможет... ты только выслушай...

– Ах ты, сука! Сдала, значит?! Легавым или самому Клоуну?! – зашелся истерическими воплями шантажист Коля.

Луна светила нам в спину, и если парень не мог рассмотреть моего лица, то очертание фигуры разобрал сразу же. Для меня он по-прежнему оставался невидимым.

– Николай, нам надо поговорить, – произнес я, шагнув вперед. – Я не из милиции и к твоим приятелям не имею никакого отношения. Если хочешь, оставайся там же и будем общаться на расстоянии.

– Сейчас пообщаемся, – мстительно отозвался брат. – И с

тобой, помощничек, и с тобой, сестренка!

Раздался лязгающий звук передергиваемого затвора. Я бросился к Насте и повалил ее в рыхлый вонючий сугроб. Черное нутро барака взорвалось беспорядочной стрельбой, оранжевыми всплесками. Пули ушли высоко над нашими головами. Я перекатился на спину и достал пистолет. Вид оружия не напугал Настю, для нее казалось естественным, что парни, настоящие парни, непременно должны быть вооружены. Думала она совсем о другом.

– Не убивайте его, – прошептала девочка.

– Желаешь умереть сама?

– Лучше уж так...

Я не думал стрелять. Во-первых, не видел противника, во-вторых, не любил по поводу и без повода жать на спуск. Зато у Николая произошел нервный срыв. Не прицеливаясь, он палил в нашу сторону, в беззвездное небо, в бледно-желтую печальную луну. Каких-то секунд десять, пока не закончились патроны. После чего с безумным воплем, головой вперед, выпрыгнул в окно. Он оказался прямо передо мной. Лежа на куче грязного снега, я протянул руку, схватил Николая за штанину. Но страх удесятил его силы. Парень легко вырвался и, продолжая орать полную бессмыслицу, бросился наутек. Я вскочил на ноги и кинулся за ним. Призывы остановиться и угрозы применить оружие не возымели никакого действия. Стало ясно – Настин брат сошел с ума. Девочка тоже бежала за нами, как бесполезное заклинание повторяя

себе под нос: «Коля, остановись...»

Расстояние между нами сокращалось, еще немного – и я бы настиг его, как вдруг... парень исчез. Послышался глухой удар, тонкий жалобный вскрик откуда-то снизу. Я успел остановиться, Настя наткнулась на меня.

– Коля, Колечка, – бормотала теперь она. – Ты где?

Я понял это, сделав несколько шагов в том направлении, где мгновение назад дергалась фигурка незадачливого шантажиста. Когда-то на этом месте стояла изба, но ее снесли подчистую, бревна и доски растащили на хозяйственные нужды, остался лишь погреб, в который сбрасывали всякий ненужный хлам. Спички давали слишком мало света, а отсыревшие клочья бумаги, валявшиеся тут и там, упорно не хотели разгораться. Правда, и так все было понятно. Из погреба доносился булькающий хрип.

Начало светать. К этому времени был найден телефон-автомат и вызвана скорая. Усталый врач спустился вниз и осмотрел Николая.

– Несчастный случай, – констатировал он. – Есть родственники?

Бледная, изможденная Настя, цепляясь за мою руку, шагнула вперед.

– Доктор, он будет?..

– А кто-нибудь постарше? – не отреагировал врач.

– Нет, мы одни, мы совсем одни...

– Понятно. Все бы ничего, высота маленькая, внизу тряпье и картон, что и смягчило падение. Если бы не эта железка... Она пропоролa ему весь бок.

– Прекратите! – не выдержал я. – Он выживет?

– Кровопотеря слишком большая, – подавляя зевоту, произнес эскулап. – Вряд ли даже довезем до больницы. Да и там все бессмысленно. Помогайте загружать, раз вы такой настырный.

Санитар и я подняли Николая из погребa. Дыхания слышно не было, но парень был еще жив, судя по тому, что розовые пузырьки редко лопались на его разбитых губах. Куртку и свитер на животе можно было выжимать, густая черная кровь здесь смешалась с грязью. Я впервые увидел его лицо – так, должно быть, выглядит сама смерть. Запавшие глаза и щеки, заострившийся нос, резко обозначившийся кадык. Какой Николай в жизни, суждено ли мне узнать это?

Действо третье

Галкин «Миллениум» посещает и...

Единственное деревце, росшее под окнами моего «офиса», точно елка новогодними игрушками, было усыпано размесившимися на ветвях котами. Они завывали на разные голоса, и их нестройная песнь будила меня по утрам. Я взглянул на часы и понял, что спал непозволительно долго: уже давно надо было ехать на встречу с Ланенским и доводить до его сведения неутешительные результаты своей ночной прогулки. Странно, почему он до сих пор не позвонил мне сам?

Я соскочил с продавленной раскладушки, а так как спал в одежде, тут же прошествовал в соседнее с моим кабинетом помещение – маленький закуток, где находилась раковина и унитаз. Закончив с утренним туалетом, вернулся назад, поозирался в поисках съестного, впрочем заведомо зная, что не найду ничего. Из-за отсутствия холодильника еды в «офисе» я не держал, предпочитая перекусывать в дешевых кафе и общественных столовых. Стало быть, я готов к выходу в люди.

Торговый дом «Миллениум» был выстроен в рекордно короткие сроки и отвечал всем европейским стандартам. Шесть этажей, на которых стекла и мрамора ушло больше, чем кирпича, несколько эскалаторов, камеры видеонаблюдения, огромный бар, комнаты отдыха, подземный гараж.

Правда, все это я знал с чужих слов, так как ни разу здесь не был.

Уже издалека я увидел большую оживленную толпу перед входом, чему нисколько не удивился – опять презентация или розыгрыш призов, – но по приближении почувствовал, как свинцом стали наливаться ноги, последние шаги делал, прилагая такие усилия, будто тянул следом за собой пудовые гири. Толпу оцепляли люди в милицейской форме, парковочную площадку занимали не привычные «вольво» и «мерседесы», а скромненькие автомобили с голубыми полосками на бортах. Расспрашивать о чем-либо зевак не имело смысла – одни слухи и эмоции, поэтому я выделил в толпе группу людей с камерами и микрофонами и направился к ним. Разумеется, не каждый журналист будет делиться своими сведениями с посторонним, скорее всего заподозрив в нем репортера из конкурирующей компании; здесь главное – не ошибиться в выборе информатора и расположить его к себе. Я обратил внимание на двоих: худого, длинноволосого оператора явно похмельного вида и юркую остроносую девицу, держащую микрофон.

– Припекает, – безразлично бросил я, приблизившись к ним. – По такой погоде самое милое дело – холодное пиво.

Надо сказать, что солнце действительно жарило в прозрачном голубом небе, и безобразные ледяные наросты на крышах домов проливались вниз радужным звенящим дождем.

– Издеваешься, – хрипнул парень. – Кабы не это... – он коротко кивнул в сторону торгового дома, – я бы давно в пивнушке разминался. Конечно, репортаж может быть что надо, но здоровье дороже.

– Не ты один, – вставила девица. – Вместе же пили. А я даже больше.

– С наличкой, что ль, напряженка? – поинтересовался я.

– Да «хрустов» хватает, – отмахнулся парень. – Отлучиться не можем. Вдруг кто-то из нужных людей выйдет. Здесь и уголовка, и прокуратура, и РУБОП до кучи.

Я не стал торопить события с вопросами и отбыл до ближайшего ларька. Купив им пива, а себе минеральной воды, вернулся обратно. За время моего отсутствия ничего не произошло. Длинноволосый оператор и остроносая репортерша не могли сдержатъ восхищения. Заправски опорожнив бутылки, они стали рассказывать наперебой все, что знали.

– Здесь вот ведь какое дело... У нас рация в машине на ментовскую волну настроена, и вдруг такое сообщение: «Миллениум» грабанули. А это, сам понимаешь, не ларек какой-нибудь занюханный, здесь такие бабки крутятся! Думем на всех парах сюда. Немного не успели, мусора вперед прибыли. Разумеется, на вопросы отвечать отказываются, да мы тоже не лыком шиты, отыскали одну бабульку. Она здесь уборщицей работает, она же милицию и вызвала. А дело как было... Приходит к шести утра с двумя другими, как обычно, полы мыть, в дверь звонят, охрана не открывает. Пона-

чалу не особо напугались, такое частенько и раньше бывало, перепьются на смене и дрыхнут без задних ног. Звонили, значит, стучали, дверь автоматически дернули, а она поддалась. Это уж вовсе ни в какие ворота! Мало того что напоролись до отключки, так еще и не закрылись. Вошли наши бабули, ау-ау, мальчишки, вставайте, заглянули в комнату охраны, а там, мама родная!.. Лежат охраннички в количестве трех, то есть в полном составе, рядом на полу, у каждого пулевое ранение под сердцем и рты от уха до уха располосованы, как у...

– Лягушек-квакушек, – подсказала девица.

– Точно, – кивнул парень. – Или клоунов.

– Клоунов, – механически повторил я. Лоб покрылся липкой испариной, я вспомнил, как эту кличку упоминал сегодня ночью шантажист Коля и какой ужас она у него вызвала.

– Две бабули сразу в обморок грохнулись, – продолжали рассказывать возбужденные телевизионщики. – А третья, с которой мы беседовали, покрепче оказалась. Призналась, что всю жизнь в морге проработала, там такого насмотрелась, что здешние жмурики – цветочки невинные. Она и своих подружек в чувство привела, и милицию вызвала, и... Любопытство у старушки разыграло, решила посмотреть, что же такого ценного душегубы унесли? Прошлась по этажам, странно, все павильоны закрыты, пломбы не сорваны, приблизилась к хозяйкиному кабинету, а дверь-то распахнута, сейф в углу раскорезанный. Не иначе как взрывчаткой рва-

нули. Внутри, разумеется, пусто. Тут как раз милиция подъехала, бабульку взялись допрашивать, следом опергруппа, пальчики всякие, собачки служебные, а потом уж большое начальство. Пока ему докладывали, что да как, про старушку совсем забыли. А ей еще в одном месте убираться нужно, вот она и улизнала. Как раз нам в объятия.

Шло время. Толпа зевак перед торговым домом начинала рассасываться. Остались лишь самые стойкие и еще те, кому совсем нечего было делать. Тележурналисты терпеливо ожидали появления высоких официальных лиц. Если служители СМИ находились здесь с шести утра, то их вынужденный простой затянулся на пять часов. Трупы вынесли через задний ход, убыли всевозможные эксперты, на широких дверях «Миллениума» теперь красовалась наскоро написанная табличка: «Закрыто по техническим причинам».

– Наконец-то! – В группе вооружившихся телекамерами и микрофонами людей пронесся вздох облегчения.

Вышел низкорослый лобастый прокурор, замахал руками: «Никаких комментариев», нырнул в кожаное нутро служебной «Волги». За ним шагал помощник, мой давний знакомый, сделавший стремительную карьеру из рядовых следователей благодаря тому, что помог выпутаться из одной скандальной истории ныне действующему мэру. Звали этого недоброго приятеля с внешностью киношного супермена Константин Ремизов. Одевался он по последнему писку моды, разъезжал на престижных иномарках и частенько появ-

лялся на всевозможных светских раутах с ослепительными красавицами из когорты актрис и моделей, млеющих от его физических данных и белозубой улыбки. Зная его веселый нрав и повышенную общительность, телевизионщики ринулись ему навстречу, окружили, стали засыпать вопросами. И тут произошло непредвиденное. Хмуро выслушав первую порцию: «Что, на ваш взгляд?..» и «Какие шаги предпринимаются?», Ремизов вдруг изменился в лице, побагровел, рявкнул:

– Пошли вы все!

Корреспонденты отхлынули. Помощник прокурора прошел мимо них, наткнулся взглядом на меня, узнал, хотел даже что-то сказать, но передумал, направился напрямик к своему шикарному автомобилю.

Появлялись и другие начальствующие лица, ограничивались ничего не значащими репликами, уезжали. Чувствовалось, что репортажи о происшествии в торговом доме будут основаны лишь на досужих домыслах журналистов.

На этого человека я обратил внимание сразу. Выйдя из «Миллениума», он не пытался спастись бегством, очень спокойно, если не сказать равнодушно, дожидался приближения репортеров, и не просто дожидался, а еще достал из кармана маленькую серебряную фляжку и пару раз приложился к ней. При сухопаром, поджаром теле у него были очень широкие плечи и мощная грудная клетка, длинные жилистые руки висли вдоль туловища как плети. Телосложе-

нием незнакомец напоминал орангутанга. Голова его была выбрита наголо, а огромные зеркальные очки скрывали половину лица.

Остроносая девица задала ему первый вопрос. Выслушав его, мужчина неожиданно добро улыбнулся полными обветренными губами, заметил:

– А вам только ужасы подавай: типа чикатилы, джеки-потрошители... Взяли за моду людей пугать...

– Не прослеживаете ли вы здесь некий след? – обратился другой репортер.

– След? – удивился незнакомец. – Будьте добры пояснить.

– Ну как же! – завелся собеседник. – Для широких масс не секрет, что по городу прокатилась волна подобных зверских убийств. Когда жертвам от сих до сих полосовали рты. Наверняка это действует какой-то неуловимый маньяк. Причем его жертвами становились и обыкновенные граждане, и... преступные авторитеты.

– Неуловимый, говорите, – усмехнулся бритый субъект. – Так вот, заявляю с полной ответственностью: находиться на свободе ему осталось недолго.

– Не хотите ли вы сказать, что знаете, кто он? – взвизгнула остроносая репортерша.

– Конечно, – коротко ответил мужчина колоритной наружности и, потеснив обступавших его журналистов широким плечом, пошел к микроавтобусу, в котором сидели такие же здоровые, сурового вида люди.

– Эти посерьезнее будут, РУБОП как-никак, – оживленно заговорили вокруг.

Вскоре площадка перед «Миллениумом» опустела. Ланенский, если он, конечно, приезжает на работу на своем лупоглазом сокровище, так и не появился. Я винил себя, что не взял у него ни домашний адрес, ни номер сотового телефона. Но потом разом успокоился. Черт с ним! Черт с его делом! Черт с его деньгами и благими мыслями о капитальном ремонте! Если расследование сразу началось со стрельбы и нескольких обезображенных трупов, ничего хорошего в будущем ждать не приходится. Я уже готовился отбыть в свой «офис», как вдруг черный сверкающий автомобиль, ласково урча мотором и шурша широкими шинами, въехал на кромку тротуара. Из просторного салона грузно выбрался генеральный директор торгового дома. С напускной важностью он обошел машину, выставив впереди себя окладистую угольно-черную бороду и огромный, вываливающийся из штанов живот. Приоткрыл дверцу, протянул мясистую розовую пятерню, в которой тут же исчезла хрупкая белая ладошка. А потом появилась и ее обладательница – миниатюрная фигуристая девушка исключительно кукольной внешности.

При первом взгляде на нее невозможно было понять – живой это человек или искусно изготовленный манекен. Прическа каре, больше напоминающая парик. Тонкие темные волосы, схваченные лаком, отливают красным деревом. Кра-

сивое лицо неестественно бело от пудры. На нем, как на белом ватмане, казалось, нарисованы зеленые глаза в хищной кошачьей подводке, стрелообразные черные брови, густые тени на веках, влажный сексуальный рот. Девушка не удостоила меня взглядом, с таким же ленивым безразличием смотрела она и на своего более чем упитанного кавалера. Наконец Виктор Евгеньевич заметил меня и тихо обратился к спутнице:

– Инга, дорогая, я покину тебя на минуточку, мне необходимо побеседовать с этим человеком.

В голосе этого зажавшегося, самоуверенного хама отчетливо слышались робкие, просительные нотки! В какой-то момент я возликовал, но тут же устыдился своего мелкого мстительного чувства, мало того, мне стало немножко жаль толстосума: вот что делает с человеком безответная любовь!

Инга пару раз хлопнула накладными ресницами, недовольно скривила вишневые губки, вяло разрешила:

– Только недолго, Виктор.

Ланенский, отдуваясь, подошел ко мне, навис громадной мясной тушей, зашипел, опасно оглядываясь на Ингу:

– Какого дьявола вы приперлись сюда?

– Вы уже знаете, что произошло этой ночью? – спросил я, вместо ответа.

– Знаю, черт побери! – выплюнул он визгливо. – Мы намеревались превосходно провести уик-энд за городом, я снял прекрасный дом, отключил мобильник, чтобы нам не доку-

чали всякими мелочными разговорами, и вот... Стоило мне включить его, чтобы сделать несколько важных звонков, в том числе и вам, как получил сообщение. Полный бред! Налет, какие-то трупы! До сих пор не укладывается в голове, до сих пор не верю!

– А помните, для чего нанимали меня? – прервал я истерику генерального директора. – Шантажист достаточно ясно дал вам понять, что ваша несговорчивость обернется крупными неприятностями. И он не шутил. Он знал о готовившемся нападении.

Мои ноги оторвались от земли. Ланенский, ухватив меня за воротник куртки, вздернул вверх и начал трясти, как тряпичную куклу. Я испугался, что, войдя в раж, он может швырнуть меня о стену или просто свернуть шею ковшеобразной лапицей. Но в следующую секунду он сник, сдулся, перехватив брезгливый, уничижительный взгляд Инги. Мои ступни коснулись красной брусчатки.

– Так почему же вы не помешали ему?! Почему же не вывели всего вовремя?! Я бы увеличил охрану! Здесь бы... Здесь бы дежурил взвод ОМОНа! – сокрушался Виктор Евгеньевич.

– Мне не в чем себя винить, – ответил я. – Выполняя ваше поручение, я рисковал жизнью. В меня стреляли. Шантажист желал говорить только с вами и только при наличии десяти тысяч долларов. Мне бы он все равно ничего не сказал.

– Так где же он теперь? – ядовито спросил Ланенский. –

Разумеется, вы его упустили. И никто не докажет, что вы ходили на встречу с ним, а не прогуливали мои деньги.

– Неправда, – сказал я. – Этот человек сейчас находится в больнице в критическом состоянии. С ним произошел несчастный случай. И тому есть свидетели. Со своей стороны хочу узнать: мне продолжать расследование или на этом моя миссия завершена и остальным будет заниматься милиция?

– А как вы думаете?! – вновь взревел пузан. В гневе его широкий потный лоб бугрился многочисленными складками. – Мне харкнули в лицо, как какому-то... И теперь с подачи газетчиков все серьезные партнеры станут поминать мое имя... Человек, который не в состоянии защитить свой бизнес, – это... ничтожество! Я не потерплю такого отношения, слышите, вы, ищейка? Я гарантирую щедрое вознаграждение любому, кто доставит мне этих отморожков! У вас есть еще какие-нибудь вопросы?

– Просьба, – сказал я, слыша негодующий клекот в глотке генерального директора. – И не бойтесь, денег я пока не попрошу. Всего лишь вашего содействия. Мне необходимо поговорить с вашими подчиненными. Я частный детектив, и они очень легко могут отказаться от разговора. Но если надавите вы...

Породистое самонадеянное лицо Виктора Евгеньевича стало вдруг каким-то унылым.

– Я не имею здесь абсолютной власти, – отводя взгляд, ответил он. – Я здесь наемный управляющий. «Миллениум»

– полная собственность Друзиной Алевтины Семеновны. Но я думаю, что тут наши интересы совпадут.

Первое, что бросилось мне в глаза, когда я зашел в комнату охраны, – это очерченные белым мелом силуэты трех тел. Кровь была уже замыта, но влажные темные пятна на бетонном полу не оставляли сомнений в том, как много ее вытекло. Кругом рассыпан черный порошок, с помощью которого ищут отпечатки пальцев. Помещение не проветривалось, в застоявшемся воздухе явственно ощущалась примесь густого приторно-сладкого аромата – так пахнет на бойне или в мясных павильонах, где разделявают туши. Из-за стола мне навстречу поднялся плотный невысокий мужчина лет шестидесяти, как упругий каучуковый мячик, перекатился через комнату на коротких кривоватых ногах. Его некрасивое, словно вырубленное топором широкоскулое лицо, некогда решительное и грозное, с возрастом стало оплывать, появился второй подбородок и жировые складки на шее. На обвисших щеках проступал нездоровый багровый румянец, испещренный тонкими фиолетовыми прожилками капилляров.

– Давление, – на ходу бросил он. – Башка который день раскалывается.

Однако наполовину выпитая бутылка водки, которую он даже не удосужился убрать в ящик стола, и запах, источаемый мужчиной, навели меня на мысль, что причина недомо-

гания совершенно иная.

– Выпил, что ж с того? – с неожиданной агрессией ополчился на меня багровый субъект. – Трех моих людей положили, как баранов освежевали, какие ж нервы тут нужны, чтобы не сорваться?! Говорил мне о вас Ланенский, ментов ему мало, ищайку со стороны нанял. И заплатить пообещал? Ну, этого вам долго ждать придется, Карабас за лишнюю копейку удавится. Показывайте лицензию, с самозванцами говорить не желаю. – Он долго рассматривал мои корочки, чуть ли не вплотную приблизив их к отевающимся глазам, вернул небрежно, возвратился за стол, ничуть не стесняясь постороннего, выпил, занюхал рукавом камуфлированной куртки. – Фирсов Владимир Михайлович, – только тогда представился он. – Начальник службы безопасности «Миллениума». Теперь, по всей видимости, бывший начальник. Плевать! Еще выпью. Вам не предлагаю, вы ж на работе, а я уже... того...

– Как такое могло произойти? – спросил я.

Мужчина, вливая в себя новую дозу, поперхнулся:

– А так и произошло, что студентиков на работу наняли да салаг сразу после армии. Карабас на всем экономит, да и этим зарплату задерживал. Ему лишь на шлюху свою денег не жалко. Тыщу раз говорил Алевтине, хозяйке нашей, что следует нанять путевую охрану, военных бывших или ментов, да она, баба глупая, под дудку Барабаса пляшет, во всем ему потакает, а этот гад понимает, что серьезным людям се-

рьзные деньги платить надо, вот и допрыгались с экономией. Спрашиваешь, как могло произойти? Да элементарно! Открыли посторонним, и все!

– Но ведь имеются какие-то инструкции...

– Угу, бумажек ворох, зато в мозгах ничего. И кнопки сигнальные у пацанов были, и камеры на всех этажах. Бывает, товар среди ночи завозят, но в таких случаях разрешение за подписью Ланенского должно у охраны быть. Никакого привоза в эту ночь не планировалось, все шло по плану: одному разрешается отдохнуть, другие в это время дежурят. Первый у монитора сидит, этажи и улицу обзвора, второй по зданию ходит. Окна, конечно, на сигнализации, да мало ли... Еще обязаны в центральный офис отзваниваться каждый час, мол, все спокойно, но там на проводе такой же щенок сидит, дрыхнуть хочет, вот и стоворились без ночных звонков управляться. Иначе гораздо раньше тревогу бы подняли, авось по горячим следам взяли бы гадов.

– А кто может беспрепятственно проходить в здание в любое время суток? – подобрался я к самому важному.

Фирсов намеревался прикончить бутылку, но, услышав мой вопрос, отставил стакан в сторону.

– Подозревать будешь? – мстительно заметил он. – Так мне плевать, моя совесть чиста. Я могу, раз начальник над всей охраной. Карабас, так как генеральный директор. И Друзина, само собой. Трое. Правда, здесь ты вряд ли до чего докопаешься. Скорее пацаны своих дружков впустили винца

попить или девок потрахать – такое частенько раньше бывало, я несколько смен взащей выгнал.

С тех пор как я бросил пить, сивушный запах вызывал у меня аллергию, а пьющие – глухое раздражение. Я отвернулся, когда начальник службы безопасности поднес к губам наполненный стакан. Взгляд мой зацепил стоящий в углу офисный стол и аппаратуру на нем: монитор и несколько работающих видеомэгнитофонов, поставленных друг на друга. На экране была видна улица. Залитая ярким солнечным светом, здесь она отображалась серой и сумрачной.

– Вход просматривается прекрасно, – сказал я в пустоту. – Запись ведется круглосуточно?

– Умный какой выискался, – ядовито отреагировал Фирсов. – Кассетки посмотреть хочешь? А шиш с маслом? Нету кассет. Были да сплыли. Забрали их налетчики, не такие идиоты, чтобы рожи свои светить. Всё знали, твари!

– Наводчик? – осторожно спросил я.

– А ты что думал? – Владимир Михайлович зло отставил опустевший стакан. – И ведь кто-то из своих. Доберусь – зубами порву оборотня!

Он ударил по столу кулаком. Кулак был тяжелый, мощный, с выбитыми костяшками. Точно заслышав этот грохот, в комнату вошел высокий парень, весь какой-то глянцевый и ненастоящий, чем-то неуловимо напоминающий кукольную красавицу Ингу, хотя внешне ничуть на нее не похожий. Ярко-синие глаза на гладком смуглом лице дополняли его эк-

зотическую красоту, в ухе поблескивал миниатюрный гвоздик с алмазной шляпкой.

– Чем здесь воняет? – проигнорировав мое присутствие, обратился он к начальнику службы безопасности.

Я заметил, как у Фирсова на скулах заходили желваки, непроизвольно сжался второй кулак.

– Тебя сюда кто-то звал? Иди командуй в своих павильонах, а здесь позволь распоряжаться мне, – не разжимая губ, процедил Владимир Михайлович.

– Думаю, тебе здесь осталось недолго, – с ленцой растягивая слова, ответил молодой человек. – Правда, утешений от меня ты не дождешься. Надо было меньше пить на рабочем месте. А ты и сейчас не можешь остановиться, будто эта ночка тебя ничему не научила.

– Проваливай!

Брюнет наигранно рассмеялся.

– Хорошо, я свалю, – брезгливо, сверху вниз взирая на Фирсова, ответил молодой человек. – Да, еще... Слышал тут краем уха, что отец нанял частную ищейку. Что ж, успешной охоты.

Ухмыльнулся и вышел.

– Сыночек Ланенского. Такая же мразь. Ничего собой не представляет, зато благодаря папочке возомнил себя пупом земли, – кипя от ярости, прокомментировал Владимир Михайлович, едва за глянцевым красавчиком закрылась дверь. – Возьми себе на заметку, Галкин, от такого что угод-

но ожидать можно. Не удивлюсь, что и это.

– Он здесь кто?

– Менеджер. А заодно – папин зам. Ведает всеми закупками и поставками. Образования никакого, в мозгу две извилины – девки и рулетка. Знаешь, зачем заходил? Выставиться. Какой я крутой и какое вы говно. Излюбленное развлечение, тьфу, говорить противно.

– Тогда давайте поговорим о ваших охранниках, – предложил я. – Как вы их набираете?

– Ясно как, по объявлению в газете. Ну, или по бегущей строке. Жесткого отбора, конечно, нет, потому что никто серьезный на такую зарплату не позарится. Лишь бы без судимостей и на собеседование трезвыми приходили. А то, случалось, и пьяные являлись, и обколотые.

– Что за люди работали в последней смене?

– Вцепился, – огрызнулся Фирсов. – Я уже следователю все подробно расписал, с характеристиками, благодарностями и взысканиями. Хрен с тобой, повторюсь, при тебе хоть выпить можно...

На стол была водружена вторая бутылка, без проволочек наполнен замызганный граненый стакан.

– Сашка Чернов, студент, уже полгода подрабатывал. Ни в чем дурном замечен не был, пусть и хиловатый, да где лучше взять? Юрка Кузнецов, после армии, крепкий парень. У этого бывали загулы, но непродолжительные, на работе вроде как не пил. Три месяца проработал, собирался увольнять-

ся, вроде бы местечко новое нашел. Это его последняя смена была, заявление уж подписанное лежало. И Мишка Журов, всего три смены отстоял, толком я его узнать не успел. Как ты понял, у нас текучка здесь большая, кого зарплата не устраивала, кого за нарушения выгоняли. Любого из них могли использовать как наводчика. Или подкупить, или обманом, или запугать. А потом убрать, как нежелательного свидетеля. Если повозиться, вычислить можно.

Чем больше я присматривался к Фирсову и слушал его резкие, прямолинейные, грубоватые оценки и выводы, тем симпатичней мне он становился.

– Мне кажется, вы честный человек, – сказал я, желая его приободрить.

– Честный? – недоверчиво прищурился начальник службы безопасности. – Ладно, утешил. Знаешь, как тяжело оставаться честным в этом гадючнике?..

Далее я направил свои стопы в кабинет самой хозяйки, внутренне готовясь, что никакого разговора у нас не получится. Богатые живут по своим законам, и снизойти до уровня какой-то частной ищейки – это уже слишком, мне в лучшем случае придется переваривать их гонор, барские замашки или снисходительную интонацию, которая унижает не меньше. Я вспоминал, как трудно и мерзко было общаться с Виктором Евгеньевичем Ланенским.

Внешне Алевтина Семеновна ничем не напоминала тех

бизнесвумен, какими их привыкло рисовать наше воображение. Очень полная, румяная, круглолицая женщина немногим за сорок, больше похожая на домохозяйку и любящую мать, приветствуя меня, протянула для пожатия пухлую розовую ладошку. И этот жест, и мягкие черты ее русского лица, и золотистые волосы, убранные в высокую прическу, и степенность движений, и глубокий приятный голос, который я раньше слышал в телевизионных интервью, – все это внутренне успокаивало и располагало к ней.

Но я не обманывался в отношении хозяйки. Ставшая с подачи глянцевого журнала лучшим предпринимателем, меценатом и благотворителем года, Алевтина Друзина оставалась прежде всего женой своего мужа. А муж, седенький и невзрачный, лет на двадцать старше супруги, угодный любой власти, уже давно и прочно сросся с правительственными креслами, жил на данный момент в Москве и занимал пост министра топливной промышленности.

– Я ждала, что вы зайдете ко мне, – произнесла владелица «Миллениума». – Виктор Евгеньевич предупреждал, что решил нанять частного детектива. Я думаю, он прав. Если иудой стал кто-то из своих, лучше разобраться по-тихому и не выносить сор из избы. Конечно, милиция тоже будет искать, но... не хотелось бы лишней огласки. Насчет вознаграждения я распоряжусь, вас не обманут.

– Вы держитесь не в пример другим, – сказал я.

– А что остается? – спросила она. – Рвать на себе воло-

сы, закатывать истерики? Этим горю не поможешь. Жалко людей, совсем еще мальчишек. Разумеется, их родственники получают компенсацию, похороны за наш счет, да только все это пустое, оборванную жизнь не вернуть.

Мы помолчали ровно столько, сколько того требовал текущий момент.

– Простите, что сразу не предложила вам сесть, – сказала хозяйка. – Чай или кофе?

– Спасибо, ничего.

Я прошел и сел на предложенное мне кресло с высокой спинкой и удобными подлокотниками. Еще раньше я осмотрел кабинет. Вся мебель в нем была или антикварной, или искусно выполненной под благородную старину (в этом я не считал себя большим специалистом). Единственное, что напоминало о веке технического прогресса, – компьютер и факс. Вмонтированный в стену сейф зиял своим пустым нутром, точно открытой раной, покореженная, покрывшаяся окалиной дверца распахнута. Кабинет не был иссечен осколками, значит, использовали взрывчатку направленного действия. Как и в комнате охраны, здесь все было засыпано черным порошком.

– Берусь угадать ваш первый вопрос, – сказала Друзина. – Почему объектом нападения выбрали мой кабинет, а именно – сейф? Разумеется, рассчитывали, что там хранятся деньги. Но кроме небольшой суммы на текущие расходы, вся наличность регулярно переправляется с инкассаторами в банк.

– Вот это как раз и странно.

– Что именно? – впервые за время нашей беседы напряглась Друзина.

– Налетчики были неплохо подготовлены и действовали по наводке. А раз так, они должны были в первую очередь знать то, что вы поведали мне только что. Суммой в сейфе не разживешься. Зачем же рисковать, проливать кровь ради сущих копеек?.. Может, какие-то важные бумаги, способные заинтересовать конкурентов?

– Ничего такого, – справилась с собой Алевтина Семеновна. – Никакой коммерческой тайны находящиеся в сейфе документы не представляли. Коммунальные квитанции, несколько приказов...

– Я не занимаюсь экономическими преступлениями. И меня совершенно не интересует черный нал, который хранится в подобных сейфах по определению, – сказал я, устав от этой игры в кошки-мышки. – Пусть бодаются ОБЭП и ваша юридическая служба. Я здесь, чтобы вычислить наводчика.

– Спрашивайте, – ответила хозяйка просто, не стремясь ничего отрицать.

– Сумма была большой? – спросил я.

– Извините, этого я сказать не могу. Величина суммы не имеет к делу никакого отношения. Люди идут на преступления ради гораздо меньших сумм.

– Кто знал о содержимом сейфа?

– Кроме меня, двое. Наш главный бухгалтер Наталья Семеновна и Виктор Евгеньевич. Но в их порядочности я полностью уверена. Ланенского я знаю уже много лет, а Наталья Семеновна... моя сестра... Но ключ и код были у меня одной.

– Мне будет необходимо поговорить с вашей сестрой, – с нажимом произнес я.

Женщина отреагировала мгновенно:

– Такого пока не следует делать. У Наташи сейчас очень плохо с сердцем, она даже не выходит на работу. Понимаю, что не удастся скрыть от нее это ужасное происшествие, и все-таки... Я считаю, что вам следует обождать. Займитесь чем-нибудь другим.

Увы, настроение у меня не упало, наоборот, я стал испытывать неподдельный интерес к делу. Мне начинают указывать, как работать, пытаются что-то утаить, а что может быть занятнее для сыщика, чем распутывать этот клубок полуправды-полулжи, слушать, задавать каверзные вопросы, соединять воедино все звенья цепи... Когда-нибудь, я знал это по опыту прошлых расследований, личное и общественное тесно переплетутся, друзья станут врагами, враги окажутся не такими уж и плохими, припомнятся обоюдные обиды, лопнут гнойнички старых болячек.

– Мы думаем с вами одинаково, – подытожил я. – Налет был спланирован, человек, который навел преступников, – или кто-то из убитых охранников, или, как это горько ни зву-

чит, кто-то из вашего ближайшего окружения. Вы безоговорочно отмени кандидатуры своей сестры и генерального директора. Что скажете о его сыне?

Зашуршали складки широкой крахмаленной юбки, Друзина несколько раз переменяла позу, медля с ответом.

– Владислав Ланенский не мог знать об этих деньгах, – сказала она, но в голосе ощущались неуверенность и напряжение. – Я уверена, отец ему ничего не говорил. Да и знай... У него есть отрицательные черты: самовлюбленность, завышенное самомнение, нетерпимость к критике... Однако это не повод подозревать человека в таком хладнокровном подлome преступлении.

– Почему-то ваш начальник службы безопасности подумал в первую очередь на него, – припомнил я.

– Владимир Михайлович недолюбливает Владислава, – пояснила Алевтина Семеновна. «Недолюбливает» звучало на редкость мягко. – Они совершенно разные люди: Фирсов – в прошлом боевой офицер, прошел несколько горячих точек, всего в жизни добивался сам, а Владислав... «золотой» мальчик... хотя неплохо разбирается в менеджменте и маркетинге, – поспешно добавила она.

– А лично вы никого не подозреваете? – спросил я.

– Конечно нет. – Она горой стояла за своих подчиненных. – И посоветовала бы вам меньше слушать Владимира Михайловича. Сейчас он не в себе.

– В том смысле, что пьет на службе, как заправский са-

пожник?

Друзина опустила короткие редкие ресницы, прикрыла глаза.

– Да, – печально отозвалась она.

– Вы знаете об этом и ничего не предпринимаете?

– Ничего. – Живое, круглое лицо хозяйки стало вдруг каким-то странным, здоровый румянец схлынул с полных щек. – У Владимира Михайловича большое горе. Два месяца назад... у него убили дочь.

– Постой, приятель, – протянула мне вслед кукольная красавица Инга, скучающе покуривающая на улице.

Я сделал еще несколько шагов, не сразу обратив внимание на девушку: настолько она, застывшая на фоне витрины «Миллениума», сливалась с выставленными в ней манекенами. Я остановился, с напускным безразличием посмотрел на нее. Инга сама направилась ко мне, старательно покачивая бедрами. Приблизилась, грациозно изогнулась в талии, полюбовалась своим отражением в витрине. Манекены отдыхали.

– Вот, значит, как выглядят частные детективы. – Она поводила носом, принюхиваясь, лениво изрекла: – Ненастоящий. Даже не пахнет виски. Я когда-то читала в одной книжке, что все они лопают на завтрак, обед и ужин.

– Тебе следовало познакомиться со мной несколько месяцев назад, – сказал я. – Ты бы не разочаровалась. Тогда я не

просыхал.

– Оригинально, – фыркнула Инга. И стала сосать длинную коричневую сигарету, скосив кукольные глаза на красный дымящийся кончик.

– Кстати. – Я оторвал ее от этой занимательной процедуры. – Чем закончилась та книжка? Вечно пьяный сыщик все же добился истины и главной злодейкой оказалась сногшибательная красотка?

– Чушь! – Девушка скривила накрашенные губы. – Не помню. Я не дочитала. Скучно. Я люблю развлекаться по-другому.

– Как же?

– Ну... Я не знаю... Ездить в круизы, ходить в рестораны, заниматься любовью...

– Думаю, у тебя все это есть. С таким-то другом.

– Угу, – обиженно отозвалась Инга. – Виктор ужасно занудный. У него на уме только бизнес и деньги. А мне надоело, я хочу как следует расслабиться, съездить куда-нибудь отдохнуть. Последний раз мы оттянулись на Майорке три месяца назад. И опять сиди в этом вонючем городе.

– Существует масса других развлечений. – Карикатурная красотка начинала меня утомлять, но, боясь спугнуть ее, я не спрашивал прямо, что ей от меня надо.

– Мы везде уже были, все одно и то же, тоска зеленая, – томно растягивая слова, ответила она. – На лето Виктор обещал тачку купить, такую, с откидывающимся верхом. Мне

раньше хотелось, а теперь не хочу. Даже не знаю, чем заняться. У тебя хоть дело какое-то, вынюхивать... Он тебя нанял за мной следить, да? – в упор спросила девушка. Видимо, ради этого вопроса и был задуман весь этот идиотский жалостливый спектакль.

– Ты прекрасно знаешь, что нет, – ответил я. – Ты ведь слышала весь наш разговор.

Инга кивнула:

– Значит, ты ищешь налетчиков. Жуть как интересно. Виктор вне себя от ярости. Если его вышибут, мне не на что будет дышать. Ты найди их, ладно? Я постараюсь тебе помочь.

– Каким образом?

– Мало ли? – пожала плечами Инга. – Я тоже могла чего-то слышать и знать. Только ему ни слова. Приезжай сегодня ко мне часиков в восемь вот по этому адресу, не пожалеешь. – Мне в ладонь лег вырванный из блокнота листок с заранее написанными координатами. – А теперь я пойду, если он увидит нас вместе... – Цокая шпильками, виляя круглым аппетитным задом, она удалилась.

Что меня хотят использовать в каких-то своих целях, я не сомневался. А пока решил отправиться в больницу и разузнать о судьбе незадачливого шантажиста Коли.

Действо четвертое

Галкин скорбящих навещает и...

Я не дошел до автобусной остановки, когда мое внимание привлекло занимательное зрелище. У обочины остановилась патрульная «Волга», два долговязых сержанта пытались затолкать в салон какого-то человека.

– Лапы убрали, щенки! Куда вы меня тащите?! Я полковник ВДВ! Я Афганистан прошел, мать вашу!

Упирающимся вопящим мужчиной оказался начальник службы безопасности «Миллениума» Владимир Михайлович Фирсов. Упившийся до потери реальности, меня он не узнавал.

– Куда вы его? – спросил я у патрульных.

– Куда? Ясное дело, в вырезвитель, – ответили они, отпыхиваясь.

– Может, решим все миром? – предложил я. – Это мой знакомый.

– И что с того? Он нам еще за оскорбление при исполнении ответит. И под статью пойдет. Вон, погон оторвал! Нападение на сотрудника...

– Сколько? – остановил я.

Сержанты отпустили сопротивляющегося. Чтобы не упасть, Фирсов вцепился в распахнутую дверцу. Он дышал тяжело, раздувая ноздри.

– Откуда нам знать, что ты не подставной, – сказал один из сержантов.

– Ваше право. – Я помахал у него перед носом свернутой в трубочку купюрой. – Ну, мне идти дальше или договоримся?

Забыв о Фирсове, парни отошли в сторону, пошептались между собой.

– Платят мизер, и то задерживают, – пробормотал все тот же патрульный. – Ты знаешь что, швырни бумажку под сиденье, будто случайно обронил. И можешь забирать своего десантника.

Что я и сделал незамедлительно.

Но управиться с освобожденным полковником оказалось не так-то просто. Машина уехала, а он повис на моей руке, едва не касаясь земли головой. Короткие ноги завязли в мокром липком снегу, подгибались, не желали ступить ни шагу.

– Дайте выпить, – без конца повторял Фирсов, схаркивая тягучую длинную слюну.

Пришлось посадить его в сугроб, отойти на несколько метров и поймать частного. Прежде чем мой знакомый полностью отключился, он успел назвать адрес. И мы тронулись в путь.

Начальник службы безопасности жил в обычном многоквартирном доме, и не где-нибудь в центре, а за рекой, где начинались рабочие районы. Лифт по закону подлости не работал, подъезд был изрядно загаженный, не иначе как молодежь присмотрела его для своих невинных шалостей: я при-

метил использованный презерватив и одноразовый шприц, брошенные под лестницей. Последний пролет оказался самым сложным – мне пришлось тащить Фирсова волоком.

Железную дверь открыла маленькая пожилая женщина изможденного вида. На ней был потрепанный домашний халат, опухшие ноги обмотаны шерстяными платками. Большие круглые очки с толстыми линзами придавали ей сходство с нахохлившейся совой.

– Господи, Володя, зачем же ты так? – слезно запричитала женщина-сова, суетясь вокруг нас.

Вместе мы пронесли отставного полковника в комнату и прямо в одежде уложили на разложенный диван. Фирсов оглушительно храпел, разинув рот.

– Спасибо вам, – смущенно проговорила маленькая женщина. – Я уже не знала, что и думать. Сестра позвонила и сказала, что муж в очень плохом состоянии, а ведь раньше он и капли в рот не брал. Сорвался, как только...

И она начала всхлипывать.

– Сестра? – машинально спросил я.

Сняв очки, женщина принялась промокать близорукие глаза несвежим носовым платком.

– Да, Алевтина Семеновна. А что, разве не она попросила вас доставить Володю? Я думала...

– Стало быть, вы Наталья Семеновна? – Я даже опешил от неожиданного открытия.

Получается, у них тут целый семейный подряд. Одна сест-

ра – владелица, другая – главный бухгалтер, ее муж – начальник службы безопасности. И лишь Виктор Евгеньевич Ланенский – человек посторонний, вроде как с улицы. Хотя нет. Дружина говорила что-то о том, будто знает его много лет.

– А кто в таком случае вы? – опомнилась женщина-сова.

– Знакомый вашего мужа, встретил его случайно, – соврал я.

Но это ее не успокоило.

– Вроде бы я всех знаю, а вас вижу впервые.

– Так уж и всех? – вырвалось у меня язвительно.

– Что вы себе позволяете? – процедила Наталья Семеновна, не выглядывая более ни слабой, ни смущенной, как в первые минуты знакомства. – Попрошу немедленно покинуть мой дом.

Я кивнул, обведя напоследок взглядом просторную переоборудованную квартиру. После гадкого подъезда она выглядела настоящими хоромами. Храпящий на диване человек заплатил слишком большую цену за это внешнее благополучие.

– До свидания, – сказал я и ушел, оставив женщину в еще большем недоумении и тревоге.

Когда я наконец добрался до больницы, приемные часы уже закончились, пришлось довольно долго дергать запертые стеклянные двери, а потом с не меньшим усердием объяс-

нять сварливой, тугой на ухо санитарке, кого именно я хочу увидеть. Сложность состояла в том, что я не знал фамилии Николая.

– Завтра. Все завтра, – не слушая меня, повторяла она.

Я обошел больничный корпус и заметил небольшую дверцу, к счастью оказавшуюся незапертой. Я юркнул внутрь, оставив дверь приоткрытой: худо-бедно серый свет умирающего дня проникал сюда, и я смог двигаться в глубь коридора, не рискуя, что споткнусь и сверну себе шею. Попетляв по бетонным лабиринтам, спустившись куда-то вниз по лестнице, я очутился в новом коридоре, более широком, где пол и стены были выложены белой и голубой плиткой, а свет лился уже из-под потолка. По обе стороны тянулся длинный ряд массивных железных дверей. Мне стало зябко, и не только от холода; кажется, я догадался, куда попал.

Я не особо удивился, когда увидел на лавке в конце коридора маленькую сторбленную фигурку. Густые русые волосы растрепались и едва не подметали плиточный пол. Я присел рядом с девочкой и убрал шелковистые пряди с ее лица. Настя не пошевелилась. Нос ее распух, глаза были красные от слез.

– Коля теперь здесь, – проговорила она и вдруг ткнулась мне в плечо, разрыдалась.

Я чувствовал, как вздрагивали ее худенькие лопатки и маленькие неразвившиеся груди. Ничуть не стесняясь, она льнула ко мне, ища защиты и поддержки. Сейчас я был для

нее и отцом, и старшим братом, и другом в одном лице. Но я не питал иллюзий. Окажись поблизости другой человек, и она так же доверчиво потянулась бы к нему.

– Ты давно находишься здесь? – спросил я.

– Не помню, – всхлипнула Настя. – У меня все смешалось. Приемный покой, операционная, реанимация и вот... морг... А потом будет кладбище...

И она опять заплакала.

– Вы не представляете, как много он значил для меня, – продолжала она, пряча залитое слезами лицо у меня на груди. – Единственный родной человек на всем свете. А узнала я о его существовании только в детдоме. Он с мамкой семь лет прожил, прежде чем она от него отказалась. Гулять ей мешал. Отца к тому времени уже посадили. Потом он вернулся, меня заделал и опять на нары. Мать со мной резину уже не тянула, прямо в роддоме отказалась. Сначала дом малютки, потом, дело ясное, детдом. Там и встретились братик с сестричкой, по фамилии Николины, по отчеству Николаевичи. Отца при побеге менты застрелили, мать денатуратом отравилась, бабки да дедки... о них мы вообще ничего не знаем. Если бы не Коля, я бы умерла там... Другим девчонкам с десяти лет со старшими парнями спать приходилось, и ни с одним за раз, а групповухой, а меня не трогали, потому что мой Коля... шишку держал... Потом он из детдома ушел, комнату в коммуналке получил, на завод токарем устроился и меня из этого ада забрал. Строгий был, сказал,

если с кем спать буду – убьет. Какой там спать, дурачок! Я в детдоме такого насмотрелась, что от одного вида мужика противно делается. – Девочка отстраняется от меня. – Вы... вам же не нужно этого?.. В смысле со мной... малолеткой...

Я покачал головой:

– Нет, не нужно, Настя. А кто такой Клоун?

Девочка вся дрожала, в доверчивых глазах застыл непередаваемый страх.

– Пожалуйста, не будем о нем. Это самый страшный человек, которого я когда-либо знала. Ему убить...

К нам приблизился мужчина в замызганном резиновом фартуке. Небритый, помятый, с руками поросшими жестким черным волосом. Лицо усталое и безразличное.

– Шла бы ты домой, крошка, – проговорил он, обращаясь к Насте. – Здесь все равно ничего не высидишь. Братца твоего обработаем в лучшем виде, завтра можешь забирать тело. Одевать сама будешь или приплатишь?

Молча я протянул ему купюру. Мужчина равнодушно кивнул, убирая бумажку в карман. И ушел, насвистывая какой-то идиллический мотивчик.

– Он прав, – сказал я спустя некоторое время. – Больше для Николая мы ничего не сделаем. Ты слишком вымоталась, нужно отдохнуть, а с завтрашнего дня продолжать жить.

– Зачем? – чуть слышно спросила Настя.

Я понял, что сказал банальность. Мне вообще было труд-

но находиться с ней рядом и под видом утешений что-то выпытывать. Наверное, потому, что за долгое время безразличного бессмысленного существования девочка-подросток затронула меня за живое. Если бы у меня была дочь, она могла бы быть такой. Я зло сплюнул на пол от накотивших сентиментальных мыслей.

И вот опять улица, скукожившиеся сугробы, кое-где черная, еще не оттаявшая земля, режущий глаза мусор: пустые сигаретные пачки, обрывки бумаг, собачье дерьмо. Настя стояла в нерешительности, ей было некуда идти. Будь у меня квартира, я бы пригласил девочку к себе. Но в данном случае...

– Тебе негде ночевать? – спросил я.

Настя пожала плечами:

– Не беспокойтесь обо мне. Я вернусь туда... где мы с Колей жили последние три дня.

В ответ я только фыркнул:

– Так я тебя туда и отпустил. Пока не закончится это дело, поживешь у меня в офисе. В твоём распоряжении почти не сломанная раскладушка, а я как-нибудь пристроюсь на столе.

Она выслушала меня с недоверием.

– Мы будем ночевать вместе?

– Тебя это так пугает?

– Но... я вас не знаю... не понимаю, что вы хотите... Когда то же самое предлагали другие парни, это значило только

одно. Не просто же так вы за меня хлопчете. Я должна буду трахаться с вами, трахаться, да?

Я и сам не заметил, как она завелась. И не просто завелась, у нее случилась самая настоящая истерика. Она бросилась на меня, стремясь вцепиться в лицо, ругала такими словами, которые знает не каждый работяга, а под занавес обвинила в смерти своего брата. Ее визги привлекали внимание прохожих, но те, вместо того чтобы вмешаться, предпочитали ускорять шаг. Я дал ей пощечину, и Настя обмякла, повиснув у меня на руках.

– Если надо, делайте со мной что хотите, – сломленно прошептала она.

– Угу, – кивнул я. – А хочу я тебя накормить и уложить спать. У меня еще впереди масса дел и свидание с красоткой не в пример тебе.

Я не хотел ее обидеть, да и замечание мое она никак не восприняла.

– Кто же вы, в конце концов, такой? – спросила она без любопытства, убитая горем и слишком уставшая.

– Секретный агент ФСБ. Или ЦРУ. Кому как нравится, – ответил я.

Она пожала плечами и сказала, что действительно ужасно хочет есть. Я вспомнил, что тоже ничего не ел со вчерашнего дня, однако вести Настю в те столовые, где перекусывал я, не решился. Девочке хватит грязи и без этого. Мы остановились в кафе с восточной кухней, благо гонорар, полученный

от Ланенского, мне это позволял. Здесь остро пахло кавказскими пряностями, посетителей почти не было, и это мне понравилось больше всего. Но Настя не смогла съесть даже первое блюдо. Зачерпнув ложку густого наваристого харчо, она тут же зажала рот рукой и вылетела из зала. Я нашел ее за кафе. Она держалась за стену и сотрясалась, мучительно исторгая желчь.

– Простите, я не могу есть, – отдышавшись, проговорила Настя. – Тут же перед глазами Коля... мертвый... с распоротым животом. Поехали скорее к вам, я боюсь, мне во всех окружающих мерещится Клоун и его люди.

И мы приехали ко мне в офис, ставший мне с недавних пор родным домом. Обстановка Настю не ужаснула, да и замечала ли она что вокруг?

– Мне кажется, вы честный человек.

– Почему же?

– Вы живете так скромно, но стараетесь помогать другим. Вам действительно так необходимо знать о Клоуне?

– Боюсь, что да. И за меня не переживай, за себя постоять я сумею.

– Я видела, – кивнула Настя. – Сегодня ночью вы справились с теми в иномарке, что я не успела и глазом моргнуть. Клоуна я встречала всего несколько раз, с ним больше общался брат, они познакомились...

Все было бы хорошо, да связался однажды пролетарий Коля с компанией, в народе именуемой дурной, и пристрастил

ся к игре в картишки. Поначалу везло, аж с завода соби­рал­ся уходить и зарабатывать на прокорм себе и сестре азарт­ными играми. Однажды фортуна отвернулась, за один вечер проиграл столько, сколько за все время не выигрывал, дали срок на возвращение долга ровно сутки. Просто для поряд­ка, потому что все прекрасно понимали, что ни его денег, ни нехитрого имущества не хватит, чтобы полностью распла­титься. А там и проценты набегут...

– Влип ты, Коля, – посочувствовал самый близкий кореш и напарник по игре. Нетрудно было догадаться, что изна­чально он был заодно с шулерами. – Взять с тебя нечего, гол как сокол, не петушить же тебя прилюдно. Кстати, сестрич­ке твоей сколько? Тринадцать? А что, в самый раз. Пускай отработывает за твою безалаберность. Догадываешься как?

Он догадался, кинулся на собеседника, сверкнул выкид­ным ножом, который уже давно в целях самозащиты носил в кармане. Но руку его перехватили, заломили за спину, сде­лали вполне профессиональную подсечку, и незадачливый картежник рухнул на землю. Уже лежащего, его жестоко ме­сили ногами, чтобы сломать окончательно. Добравшись до дому, он все выложил Насте, срывая страх на ней. Они по­хватили кое-какие вещи и пустились в свои первые бега. Об­ратиться им было совершенно не к кому, ночевали в подва­лах и на чердаках, питались тем, что брат умудрялся стырить на городском базаре, а сестра выручить за сданные бутылки и картон. Вечно продолжаться это не могло. Бывший картеж-

ник все чаще отбирал у сестры всю наличность и от отчаяния напивался. Легче не становилось, зато в алкогольно-пьяных муках родилось решение о совместном самоубийстве. Настю он им не отдаст. Голодный, пьяный, невымытый, он, кажется, говорил за столиком распивочной вслух, потому что вскоре к нему подсел какой-то незнакомый блондин, обладавший самой заурядной, неприметной внешностью, если бы не безобразный багровый рубец, тянувшийся от края рта через всю щеку.

– Козлов надо мочить, а не распускать сопли, – жестко проговорил он.

Сложения парень был такого же, как Николай, – длинный и отнюдь не широкоплечий, но в нем угадывалась некая внутренняя сила. Николин хотел отослать советчика куда подальше, однако в последний момент не рискнул. Тот стержень, который он обрел и закалил в детдоме в постоянных битвах за выживание, а потом и за лидерство, здесь, на воле, дал трещину. Там он мог подчинять себе слабых, потому что количество сильных было ограничено, тут же безраздельно правили «быки», «качки», объединившиеся в банды и группировки, и ему оставалось лишь примкнуть к тем или другим, чего он до сих пор не успел сделать. Незнакомец своими манерами не походил ни на уголовника, ни на блатного. И все же они разговорились.

Из этой беседы Коля Николин сделал вывод, что его новому знакомому чихать на законы, понятия и авторитеты, он

личность, а не стадное животное, и поэтому привык не подчиняться, но управляться со своими проблемами сам. Нужна только воля и ненависть ко всему миру, а достать оружие для воплощения в жизнь всех замыслов – дело плевое. Разумеется, необходима команда отчаянных парней, которым терять нечего. Трое таких уже есть, не будет ли на примете у Николая кого-то еще? Может, из старых детдомовских корешей, особенно тех, кто всю жизнь подвергался унижениям, озлоблен и готов поквитаться за свое прошлое, самоутвердив себя в настоящем? Из-за стола Коля Николин встал новым человеком. А вскоре в городе стала действовать банда отморозков.

Первым делом, как и обещал блондин, известный им всем лишь по погонялу Клоун, разобрались с кредиторами Коли. Николин не участвовал в расправе, он должен был находиться на людях, чтобы не навести на себя подозрение. Трех парней вывезли в лес, размозжили затылки монтажкой, облили бензином, сожгли и закопали. Потом разобрались с врагом другого парня, и Коля уже присутствовал на казни, однако смалодушничал: когда Клоун шилом выколол своей жертве глаза, а потом ударом кинжала располосовал ему рот, Николина вырвало. Разобравшись в короткий срок с недругами из прошлого, Клоун, до этого проводивший расправы самолично, предложил попробовать себя в новом ремесле другим участникам банды. У тех, кто с ним был изначально, вышло без сучка и задоринки: они ограбили мини-маркет

больше не ради выручки, а как бы экзаменуясь – двух продавщиц положили в упор из ТТ, главарь, как обычно, остро отточенным клинком расширил им улыбку. Все это Настя слышала от Николая, который стал совершенно невменяем.

Сам Коля стрелял по живым мишеням дважды, и оба раза какая-то невидимая сила отводила ствол, пули попадали то в руку, то в ногу жертве, ошибки приходилось исправлять Клоуну. «Халтуришь, Колек, – говорил тот после дела, на «разборе полетов». – Еще такая промашка – и я за себя не ручаюсь. Свои же порвут на части. А сбегать не вздумай – найду, отыграюсь прежде на сестре, потом на тебе».

И это были не пустые слова. В силу каких-то причин один из банды вдруг решил завязать. Его убрали свои под чутким руководством Клоуна. Зажмурившись, Коля выстрелил в голову парня, которого сам привел в группировку полгода назад. Нажимая на спуск, Николин думал лишь о том, что этот контрольный выстрел ничего не решает, парень уже мертв от тех беспорядочных ударов кастетами и цепями, которые нанесли ему бывшие дружки.

Второго застрелили менты, третьего – воры на разборке, четвертый выбросился из окна, и осталось неясно, сам ли он это сделал или ему помогли.

В следующем большом деле ключевая роль по устранению свидетелей отводилась как раз Николаю. Теперь я уже знал, что это большое дело – налет на «Миллениум» и что Настин брат предпочел убежать, нежели стать убийцей. Он умер сам,

а его сестра оказалась единственной, не считая членов группировки, из знающих Клоуна в лицо. Как я уже понял, предательства он не прощал, и, будучи физически не в силах отомстить Николаю по причине его смерти, обязательно попытается отыграться на его сестре. Более того, она в состоянии опознать его.

– Ни в коем случае никуда отсюда не выходи, – предостерег я, мельком взглянув на часы. До моей следующей встречи оставалось совсем немного.

– Но... – Девочка замялась. – Мне обязательно надо выйти. Туда и обратно...

– Куда же? – нетерпеливо спросил я.

– Домой, в коммуналку. Мы с Колей так торопились, что совсем не подумали о Тимошечке. Я только успела насыпать ему сухого корма и налить в миску воды. Наверняка все это уже кончилось, и он умрет с голода, если я...

– Тимошечка – это...

– Кот. Сибирский. Черный с белым, такой пушистый и ласковый...

Я взвыл точно так же, как это делало ненавистное кошачье племя под окнами моего офиса. Не зная, как отвести беду от людей, я вынужден был спасти от голодной смерти кота. Но время поджимало.

– Хорошо, – отрезал я. – Диктуй адрес и давай ключи. Сегодня же увидишь своего любимца.

В ее голубом взгляде читалась такая признательность, что

мне стало неловко за свою резкость. Я поспешно вышел.

Действо пятое

Галкин в любовь играет и...

Престижный высотный дом, в котором поселилась Инга, по всей видимости на средства Ланенского, был возведен на откосе. Из широких окон прекрасно просматривались окрестные дали, великая русская река и мост через нее. Пока картина была печальной, однообразно белой, редкие прогалины выглядели как безобразные черные раны на теле земли, но я уже мысленно перенесся в скорое будущее, когда снег полностью сойдет, ледоход взломает застывшую реку, и она неспешно понесет свои воды вдаль, а откос закудрявится сочной травянистой зеленью.

Я оторопело смотрел на девушку, распахнувшую передо мной дверь. Блондинка в крохотной юбчонке и топике, розовая после купания, почти не накрашенная, отдаленно смахивала на пригласившую меня Ингу, однако, в отличие от той карикатурной куклы, выглядела живой, юной и свежей. Неужели это была ее младшая сестра? Тогда какого черта меня сюда позвали? И лишь когда незнакомка открыла рот, я испустил вздох, облегчения или разочарования, судить не берусь.

– Ты? – рассеянно произнес я.

Так манерно растягивать слова могла лишь она одна.

– А что-о-о, не похо-о-оже? Как я тебе больше нра-а-а-

влюсь, брюнеткой или блонди-и-инкой?

– Какая же ты на самом деле?

– Разумеется, натуральная блондинка. А то был парик. Да и сам догадаться бы мог, раз называешься сыщиком. Глаза-то зеленые. Где ты видел у брюнеток зеленые глаза? Это уже... как там...

– Патология?

– Вроде. Дурацкое слово, никогда его не выучу. Ладно, раздевайся, проходи в комнату.

Я разулся, но кожанку не снял – под ней у меня находилась кобура с пистолетом, и мне почему-то не хотелось, чтобы Инга видела мое вооружение.

В комнате лишь два кресла и журнальный столик, чтобы выпить и слегка перекусить, да огромная двуспальная кровать – ее предназначение понятно без лишних комментариев. Инга собственноручно попыталась придать уют любовному гнездышку в соответствии со своим вкусом. На подоконник она поставила вазу с искусственными цветами, на стены повесила фотографии в рамках. На всех была она, любимая, в разных париках и нарядах. Здесь в облегающем вечернем платье с глубоким декольте, здесь в белоснежном брючном костюме, тут в бикини, а тут вовсе обнаженная.

Пока я рассматривал фотографии, Инга угнездилась в одном из кресел, поджав ноги. Сделала она это сознательно. Присев в соседнее кресло, я был вынужден во всей красе наблюдать ее открытое загорелое бедро. Не желая подвергать-

ся действию женских чар, я отвел взгляд и закурил сигарету.

– Пусть тебе это не покажется странным, но я вновь вернусь к разговору о цвете волос. Менеджер «Миллениума» красит волосы или носит цветные линзы?

Инга озадаченно посмотрела на меня:

– А это еще к чему?

– Просто он синеглазый брюнет. Тоже смахивает на патологию.

– Понятия не имею, что он предпочитает. – Вновь та же леность и безразличие в голосе. – Как бы там ни было, ему идет. Девки на него западают. Да и парни, бывает.

Я хотел спросить, не бисексуал ли Владислав Ланенский, но вовремя сообразил, что Инга может не знать такого слова. Поэтому сформулировал свою мысль проще.

– Он что, и с теми и с другими?

– Да нет же, вот пристал... Владик мальчиками не интересуется, как и я, впрочем, девочками. Не пойму, чего ты к нему прицепился?

– Так, между делом. Ты его знаешь давно?

Инга томно зевнула, даже не постаравшись прикрыть ладошкой рот. Правда, без золотых коронок и гнилых зубов.

– Владика? Конечно. Мы с ним иногда развлекаемся, в казино ходим. Владик там зараз уйму бабок оставить может, он только по-крупному играет. Мне даже стремно становится, стою рядом с ним, как нищая. Виктор мне никогда много денег на игру не дает. Жадина... – плаксиво заключила она.

– Ты давно познакомилась с ним?

– С Виктором? Три года назад. Я только школу закончила, учиться жуть надоело. Ну и думаю, как бы развлечься? И вижу рекламу, что конкурс красоты скоро будет. Думаю, сходиться, что ли, от скуки, может, победу, контракт какой-нибудь... Модели ж много получают, например, если в Париже моды показывать. А Виктор как раз там организатором был. Я ему сразу приглянулась, он и говорит, будет у тебя первое место, что ж шанс упускать? Мы с ним потрахались прямо за кулисами, я по подиуму походила в бикини и Мисс стала. Контракт, правда, обломился, зато Виктор подцепила. А с ним и Париж, и Майами, и Кипр. По полной оттягивались...

Инга поднялась и, не одергивая юбки, прошла мимо меня, как бы ненароком коснувшись моей руки своим соблазнительным округлым бедром. Действовала она настойчиво и грубо, но я отключил в себе все эмоции. Инкубаторская развращенная красотка, таких в моей практике встречалось предостаточно.

Она вернулась из кухни через минуту с двумя бокалами в одной руке и бутылкой марочного вина в другой.

– Давай выпьем, сыщик, а то ты весь какой-то заторможенный, – произнесла натуральная блондинка. – Да и я немного встряхнусь, с тобой аж в сон клонит.

– Не пью, – ответил я.

– Больной? Может, у тебя что другое тоже не работает? – презрительно прищурилась Инга.

– Здесь все в порядке. Просто случается, что нет настроения.

– Как так? – ужаснулась девушка. – А я вот всегда готова. Как пионерка.

Процесс соблазнения частной ищейки вошел в свою финальную стадию. Она больше не считала нужным скрывать цель, с которой назначила мне свидание у себя на квартире.

– Я больше предпочитаю трудиться языком, – ответил я, делая вид, что включился в игру.

Инга притворно загорелась.

– Языком? Я тоже люблю. Когда кончиком по животу и ниже...

– А я в смысле – говорить. Задавать вопросы и делать выводы. Для чего ты меня позвала?

Щеки красотки покрылись пунцовым румянцем. Она была оскорблена тем, что отвергнута. Да еще с издевкой.

– Ну зачем так спешить? – попыталась она выправить положение. – Давай сначала развлечемся, как следует отдохнем. Станем чуточку ближе...

Я ласково улыбнулся, даже склонился к ее похотливому личику и, рискуя остаться без глаз, произнес беззвучно, одними губами:

– Блядь.

И уже вслух:

– Чем же тебя не устраивает Виктор?

Она проглотила оскорбление, будто не разобрала его, на

второе же мое замечание страдальчески призналась:

– С ним надоело. Как начнет бородой елозить, у меня несколько дней потом раздражение, и брюхом потным шлепать, того гляди, раздавит... противно...

– Попробуй с его сынком. Почему же я крайний?

– А ты не догадываешься? – В ее голосе послышалась странная хрипотца, а маленькая рука уже гладила спелую крепкую грудь, скользнула под тряпочку, именуемую юбкой, глубже, еще глубже... – Потому что я хочу тебя. Здесь. Прямо сейчас.

Как дикая кошка, она запрыгнула мне на колени и притянула к себе. Я стал отпихивать Ингу, но она уже оплела мою спину руками, обхватила бедра стройными точеными ножками. Я предпринял попытку встать, но потерял равновесие и вместе с девушкой свалился на пол. Вывернулся, оказался над ней, хотел оторваться, но она крепко зажала мою голову между колен. Кровь закипела у меня в голове, бурля, хлынула вниз живота. «Что я потеряю, если трахну эту шлюху? – лихорадочно заработали инстинкты. – Не влюблюсь же, в конце концов. Всего лишь выплюну застоявшееся семя и вновь начну задавать вопросы».

Моя рука автоматически дернула молнию на джинсах. И в это время в замке входной двери заскрежетал ключ.

Взвизгнув, девица разжала импровизированные тиски, в панике отползла от меня. Я вскочил на ноги раньше ее, да вот незадача: от резкого рывка язычок молнии обломился,

застегнуть ширинку стало невозможным, а по сравнению с такой убийственной уликой ни мое раскрасневшееся лицо, ни прерывистое страстное дыхание не шли в один ряд. Пришедшему, кем бы он ни оказался, уже не докажешь, что я заглянул сюда лишь ради непринужденной светской беседы.

В прихожей послышались тяжелые шаги и громовой бас Виктора Евгеньевича Ланенского:

– Инга, ты дома? Ты...

Генеральный директор вдруг запнулся, по всей видимости обратив внимание на мои ботинки. А в следующую секунду из его глотки исторгся звероподобный рык:

– Кто у тебя? Он?!

Толстосум бросился в комнату, едва не своротив могучим плечом дверной косяк. Если бы я оказался у него на пути, он бы просто смел меня, как соринку, и не заметил, но я предусмотрительно сделал шаг в сторону, и Ланенский сначала увидел Ингу, спешно одергивающую свою юбочку. Он застыл на месте, до сих пор не веря своим глазам, потом издал протяжный, утробно-рыдающий вой и стал медленно разворачиваться. Его спина напряглась, распирая добротный твидовый пиджак, кулаки сжались.

– Убью, – разобрал я.

И вот он увидел меня, и что-то случилось с его багровым свирепым лицом, оно разгладилось, приняло странное растерянное выражение. Я догадался, что ожидал он застать здесь кого-то другого. «Надо что-то сказать, – подумал я. – Как-то

разъяснить ситуацию. Все-таки он мой клиент и платит мне деньги». Однако я не успел и рта открыть. Первой опомнилась моя соблазнительница. Из-за широченной спины Виктора Евгеньевича раздался ее истерический визг:

– Виктор, что же ты смотришь?! Этот хмырь ввалился сюда, хотел меня изнасиловать! Оторви ему яйца! Ты мужик, в конце концов, или нет?!

– Не слушайте ее, – только и успел проговорить я.

Однако Ланенский не услышал меня. Расправа занимает какое-то мгновение, хотя в моем воображении она затягивается надолго. Я наблюдаю, как вращаются налитые кровью голубые глаза, как слюна брызжет с толстых лоснящихся губ управляющего «Миллениума» и белыми пузырящимися каплями остается поблескивать в дегтярной растрепавшейся бороде. Интересно, красит он ее или радикально-черный цвет сохранился с молодости? Именно эти бестолковые мысли почему-то занимают меня в данный момент больше всего, сводя на ноль всякую реакцию. Я получил чудовищный удар в лицо, пролетел через всю комнату и прихожую, спиной открыв входную дверь. Следующий удар, уже слоноподобной ногой, заставил меня скатиться вниз по лестнице и протаранить головой мусоросборник. После чего наступили темнота, тишина и пустота...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.